

ЖЕСТОКОСТЬ СЕГОДНЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Ключевые слова: жестокость, терроризм, глобализация, социокультурные коды, исламизм, Запад, «глобальный Север», Россия

Аннотация: Возрастание жестокости в сегодняшнем мире во многих отношениях связывается с многообразными процессами глобализации, с глубокими сдвигами в социокультурных кодах современных обществ, включая и общество российское

Keywords: cruelty, terrorism, globalization, socio-cultural codes, Islamism, the West, the Global North, Russia

Abstract: The growth of cruelty in the present world is connected with globalization processes as well as with partial decomposition of the previously established socio-cultural codes and conventions in the post-modern societies, including the Russian one.

Жестокость как понятие в социологии обычно раскрывается как осознанное или неосознанное стремление причинять вред и боль, особое страдание другому живому существу или группе людей. Сама установка на жестокое обращение с другими существами предполагает некую атрофию на индивидуальном или социально-групповом уровне чувства внутренней сопричастности и сострадания своей жертве. Это касается как непосредственного контакта с жертвой, так и контакта «дистанционного», когда акт причинения страдания опосредуется бюрократическими или технологическими процедурами. Это имеет место, например, когда отдается и оформляется приказ о расправе над другими людьми, или же, когда эта расправа вершится при помощи обезличенных механизмов: от гильотины до средств электронного наведения.

На протяжении истории человечество выработало множество инструментов и форм причинения и поощрения жестокости: будь то войны, смертная казнь и пенитенциарные системы, внесудебные расправы, организованная экономическая эксплуатация или моральная травля, наконец, акты индивидуального или коллективного террора.

I. Накат терроризма

Ссылки на возрастание и свидетельства роста жестокости в большом количестве имеются в современной литературе и публицистике, в бумажной и электронной прессе. Теоретических же исследований на сей счет – гораздо меньше. Однако важно уже то обстоятельство, что современная мысль, с той или иной степенью отчетливости, ставит вопрос о коррелятивной связи между двумя социокультурными и политическими феноменами: повседневной жестокостью (в быту, экономических разборках, поведении как протестующих толп, так и работников «силовых» ведомств, на полицейских участках и т. д.) и более радикальными формами экстремизма и насилия, включая терроризм. Примерами безоглядной, демонстративной, запредельную жестокости стали насильственные практики исламистских движений (ИГИЛ, «Талибан» и «Хамас» на Ближнем Востоке и в Южной Азии, «Лашкар-э-Джангви» в Пакистане и Кашмире, «Боко

харам» в Тропической Африке, «Абу-Сайяф» на Филиппинах и т. д.), особенно против гражданского населения.

Точная глобальная статистика по поводу такой корреляции пока еще отсутствует, да и методы сбора такой статистики пока едва ли основательны. Инциденты политического терроризма в мире со стороны негосударственных акторов еще поддаются калькуляции: так, группа ученых из Университета штата Мериленд насчитала в рамках проекта Глобальной база данных по терроризму (ГБДТ) на протяжении периода 1977–2016 гг. 169459 террористических нападений.¹ Однако многие другие проявления жестокости и насилия трудно «посчитать» или учесть. Часть таких акций может носить не столько спланированный и организованный, сколько спонтанный характер. Их информационные и документальные описания, если и имеются в наличии, редко удовлетворяют серьезного исследователя.

Классифицируя объекты террористических нападений, группа ученых проекта ГБДТ приводит их в таком порядке: государственные учреждения, штабы политических партий, воинские и полицейские подразделения и базы, университеты и школы, частная собственность, частные лица. В качестве форм террористической активности фигурируют поджоги; использование бомб и взрывчатых веществ, нападения групп боевиков, похищения, применение холодного оружия. К перечисленным формам можно было бы добавить еще одну: использование боевых отравляющих веществ, а также и угрозы применения биологического оружия. Современная история «химического» терроризма начинается с распыления зарина в Токийском метро адептами секты «Аум Синрикё» 20 марта 1995 г., которое привело к гибели двух-трех десятков человек (точных данных нет), телесным повреждениям разной степени тяжести у примерно одной тысячи человек. Эта же история продолжается и по нынешний день, о чем свидетельствует использование боевых отравляющих веществ, например, против мирного населения окрестностей Мосула в ноябре 2016 г.

В качестве *субъектов* террористических нападений американские исследователи выделяют: исламистские группировки, партии и секты, этнические и трайбалистские организации, идеологические группировки. Если посмотреть на события последних лет, то в число субъектов террористических нападений и немалочисленных лиц и в Старом, и в Новом Свете, пожалуй, следовало бы включить и действующих по индивидуальному почину, – что называется, «по велению сердца»,² в этих случаях важнейшей мотивацией злодеяний выступает ксенофобский невроз.

Проявления жестокости в России, естественно, представляют для наших читателей предмет особенно пристального интереса. Как заметила в сентябре 2004 г. журналист-эксперт, сумевшая внедриться в движение «Хизб ут-Тахрир», «джихад России объявлен».³ В этом контексте уместно вспомнить такие наиболее жестокие (в этом веке) террористические атаки, как кризис 23–26 октября 2002 г. в театре на Дубровке, во время спектакля «Норд-Ост», в ходе которого 40 боевиков взяли в заложники 912 человек, в том числе около 100 детей (из них 130 человек затем погибли во время спецоперации по их освобождению), а также нападение 32 террористов на школу в г.Беслан 1 сентября 2004 г., в результате которого 333 человека погибли (из них 186 детей) и свыше 700 были ранены (более половины из них – дети).⁴ Хотя таких крупных терактов в тех пор в России не наблюдалось, цепочка этих и других преступлений ненависти не прерывается и по сей день – вплоть до гибели 15 человек вследствие взрыва в Санкт-Петербургском метро, учиненного 3 апреля 2017 г. 22-летним смертником Акбарджоном Джалиловым.

Очевидно, что подобные явления, при всей их контекстности, в определенной мере являются проявлениями и соответствующих глобальных сдвигов.⁵

II. Жестокость в эпоху «цифровой революции»

В свое время в научной литературе был поставлен вопрос о связи революций (будь то политических или технологических) со вспышками массовой жестокости.⁶ При этом справедливо отмечалось, что, например, технологическая революция нередко в значительной мере сопрягалась с массовой архаизацией и примитивизацией психологии и сознания, когда расшатаны устоявшиеся культурные коды и конвенции, а становление новых, соответствующих изменившимся социокультурным и психологическим условиям кодов и конвенций требует долгих десятилетий. Здесь уместно вспомнить мысль академика В.В.Иванова, согласно которому архаизация и примитивизация индивидуального и массового сознания ведут к эрозии всего опыта договорных и доверительных отношений между людьми, к нарастанию в сознании и подсознании людей чувств раздражения и страха, установок на ксенофобию и отчуждение – как мотивированное, так и немотивированное.⁷ Одним из таких побочных эффектов мировой «цифровой революции», значительно изменившей весь облик нашей планеты и существенно расширившей наши информационные и познавательные горизонты, оказался параллельный процесс социально-экономической и культурной *маргинализации* многомиллионных человеческих масс.

Действительно, даже в относительно развитых странах миллионы жителей оказались вытесненными на обочины общественной и культурной жизни, став неким подобием древнеримского «плебса». Этому новому люмпен-пролетариату общество в той или иной мере обеспечивает и «хлеб» (т. е. питание, одежду, лекарства, медицинское обслуживание, – правда, по западным стандартам, не самого лучшего качества), и «зрелища» (т. е. услуги телевидения, интернет-ресурсов и шоу-бизнеса), этого воистину современного люмпен-пролеткульта, а также и возможности потребления, связанных с алкоголем и наркотиками. При этом для выполнения самых тяжелых и неприятных работ эти самые авангардные общества «Севера/Запада» импортируют всё новые и новые когорты маргиналов – гастарбайтеров и беженцев с «глобального Юга или Востока». Многие из последних, еще едва обустроившись в этих самых авангардных обществах, но уже освободившись от жесткого повседневного контроля, характерного для обществ традиционных, не только приносят с собой архаические навыки прежнего общежития, но и усваивают навыки автохтонных маргиналов: стремление, по возможности, к праздному времяпрепровождению, нечистоплотность, потребление наркотиков, криминал.

Даже многие из семей новоприбывших, сумевших «выбиться в люди», переживают, тем не менее, характерное для культурных маргиналов состояние стрессов и фрустраций. И эти ментальности поневоле выталкивают их в современную *культуру* (а точнее – *антикультуру*) *жестокости*. Вот приводимые А.В.Малашенко результаты исследований американских ученых, занимавшихся изучением данных об уровне образования бойцов ИГИЛ, перешедших турецко-сирийскую границу между серединой 2013 и серединой 2014 г. (всего за этот период – 3681 человек): «До прихода в ИГ 32% его боевиков были заняты неквалифицированным промышленным трудом, 18% – безработные и крестьяне, зато 28% – студенты и квалифицированные работники. 13% работают по профессии, 59% – холостяки, 23% состоят в браке и имеют детей. У 32% – среднее образование, у 13% – высшее, у 10% – неоконченное высшее, необразованных – 5%... Религиозное базовое образование имеется у 55%, у 20% – умеренное, у 5% – продвинутое. «Честно говоря, – делает вывод А.В.Малашенко, – я бы сделал упор не на духовно-религиозную «нищету» и холостяцкую жизнь террористов, а на то, что среди этой публики немало образованных людей. Они погружаются в фанатизм

осознанно, отказываясь от жизненных благ. Они, так сказать, сознательные бойцы, и потому опаснее тех, кто ушел в ИГ «от тоски» и жажды подработать»⁸.

Вообще, активная неприязнь к секулярной политике и светскому образу жизни как к «опустошенным» и «обезбоженным» (и шире – неприязнь к человеческой свободе) – характерная черта маргинального сознания, которое, несмотря на все его свободолюбивые лозунги, ориентировано не на свободу, но на групповщину и покровительство.⁹ В эпохи Французской или Русской революций эта неприязнь проявляла себя во взвинченной полуинтеллигентской «идейности» и «непримиримости». В тех же социокультурных средах, которые связаны с исламской традицией, эта неприязнь чаще всего проявляет себя в формах религиозного фанатизма.

В западной (да и в российской православной) литературе синдром разгоряченного религиозного фанатизма иной раз описывается чуть ли не как «реванш Бога». Однако этот взгляд – причем именно с религиозоведческой, да отчасти и с богословской точки зрения – представляется вопиюще недодуманным. Ибо, во-первых, сугубо внешнее, назойливое и агрессивное наступление религиозных фанатиков посягает на саму специфику религиозной сферы, во многом связанной с внутренним опытом человека.¹⁰ И не случайно этому наступлению сопутствуют гонения на религиозные меньшинства, разрушения и поджоги храмов разных конфессий и деноминаций, взрывы во время богослужений, нападения на «чужих» священнослужителей или просто молящихся, разрушения надгробий, мавзолеев и поклонных крестов. Во-вторых, распространение на Западе и в славяно-русском ареале массовых форм приватизированной или нетрадиционной религиозности (при всех возможных рисках) еще не означает отказа людей от духовных ориентиров.¹¹ В-третьих, можно согласиться с Е.А.Степановой в том, что нынешние формы религиозного экстремизма и, соответственно, жестокости являются не столько прямым продолжением былых религиозных традиций, сколько, скорее, агрессивным и взрывным *синтезом* религии и идеологии.¹² Разумеется, если под идеологией понимать особую и притом фрагментарную форму подхода к миру, когда само мировоззрение редуцируется к представлениям об активной политической и властной практике.

В целом, идеологически мотивированная жестокость является и центральной трагической чертой и наследием истории прошлого века: событиями, прямо или косвенно связанными с идеологией «османизма» армянским геноцидом в агонизировавшей Османской империи, гражданскими войнами в России, Мексике, Испании, Китае; коллективизацией; «Большим террором» 1930-х гг.; Холокостом; зверствами «красных кхмеров», подкрепленными националистическими лозунгами трайбалистской резни в Тропической Африке. Уже на наших глазах проявляется глобальная жестокость исламистского терроризма.

При этом необходимо учитывать, что «идеологическая» жестокость и некритическая память о ней идут рука об руку с жестокостью, казалось бы, произвольной, немотивированной, бытовой. Достойна, в частности, внимания характерная для нынешней России коррелятивная связь между нарастанием бытовой, немотивированной жестокости, с одной стороны, и возрождающимися культами Ивана Грозного и Сталина – с другой. В обоих случаях наблюдается утрата понимания ценности жизни, достоинства и свободы другого человека, что свидетельствует об определенной потере иммунитета от жестокости.¹³

Прослеживается и некоторое размывание границ между жестокостью криминального толка и холодными расчетами бизнес-корпораций. Вот недавний пример из европейской жизни: неубранные мусорные свалки в Неаполе и в Кампанье, инспирированные в 2008 г. тамошней мафией «Каморрой», грозили инфекционными болезнями и гибелью тысяч людей. Следствие выявило

многочисленные связи «Каморры» не только с представителями госаппарата, но и с респектабельными компаниями – носителями передовых технологий: жестокий и холодный расчет оказался основой хозяйственного шантажа не только со стороны мафиози, но и их респектабельных бизнес-контрагентов.¹⁴

Привычка видеть на экранах телевизоров новости об убийствах, бомбардировках, обстрелах, внесудебных расправах и казнях, «устранять» или взрывать в ходе компьютерных игр неугодных тебе человечков, самолеты, зámки и автомобили – всё это делает процессы восприятия жестокости и насилия чем-то будничным и обыденным. Из этой констатации не вытекает призыв к расширению поля цензуры: это бесполезно, ибо, во-первых, сам принцип цензуры репрессивен, а, во-вторых, он порождает сотни возможностей обхода. Альтернатива, однако, есть. Она заключается в интенсификации общегуманистического начала в образовательно-воспитательных и шире, просветительских целях, и укреплении привычки к подлинной демократии.

III. Императив комплексного подхода

В комплекс стимулов и факторов, способствующих росту жестокости, большинство исследователей включают: неравномерность глобального социально-экономического и социокультурного развития; изменения в характере современных интеллектуальных и материальных производительных сил; издержки неолиберальной социально-экономической модели; милитаризацию общественного сознания; беспрецедентные сдвиги в этноконфессиональной динамике нынешнего мира (ведь это – по сути дела – новое «Великое переселение народов») и связанный с этими сдвигами рост ксенофобии; подыгрывание отдельных политиков и политических институтов низменным страстям масс; гедонистические установки, задающие тон всей массовой культуре и вольно или невольно продуцирующие чувства ущемленности и зависти; прямо или косвенно связанный со всем этим комплексом явлений кризис нуклеарной семьи и его прямые психологические и психосоциальные последствия (грубость и насилие в семье,¹⁵ понижение статуса матери в глазах ребенка, раннее сиротство и безотцовщина, иждивенческие настроения по отношению к обществу, культ «молодежности» и заискивание перед ним).¹⁶

Можно долго продолжать перечень таких факторов, но главное – не сводить представления о современной жестокости к какой-либо одной предпосылке, а комплексно проанализировать их резонанс, который сказывается на всём жизненном цикле человека, социальной группы и общества.

Соприкосновение с полу-осознанной или вполне осознанной жестокостью может оказываться спутником всего жизненного цикла и жизненного мира человека: от пренатальных переживаний (вследствие жестокости и грубости окружающих к будущей матери) до старческого опыта переживания раздражения и пренебрежения окружающих – в семье, в больнице, в богадельне, в местах заключения. Жестокость может преследовать человека даже после кончины (преднамеренное осквернение мест захоронений). Ее усугубляет и характерная для современной эпохи радикальная инфантилизация мира взрослых людей, связанная чуть ли не с демонстративным нежеланием понимать боль и страдание другого живого существа¹⁷ – человека и даже животного. Эта инфантильная жестокость тем более вопиюща, что она подкрепляется идеологическими фикциями. Например, девушка-живодерка Алина Орлова из Хабаровска откровенно заявляла себя сторонницей А.Гитлера и ненавистницей православной церкви. В начале 2016 г. страну потрясла весть об убийстве четырехлетнего больного ребенка Насти Мещеряковой и о поджоге квартиры ее семьи няней – Гульчехрой Бобокуловой, до этого ухаживавшей за ребенком в течение трех лет.

Ужасающие именно своей садистской жестокостью подробности убийства получили широкую огласку. Известно, что у убийцы была давно диагностирована шизофрения, о чем не знали родители задушенного и обезглавленного ребенка. Но у этого злодеяния была и еще одна подробность: убийца была радикализована идеями воинствующего исламизма и мстила европейцам и россиянам (в лице больного ребенка) за бомбардировки в Сирии.

Сама человеческая экзистенция, в т. ч. экзистенция европейского человека (отчасти и человека Нового Света), генетически связанная с создававшейся веками церковной, дворянской, бюргерской и университетской культурой, с культурой профессиональной солидарности, труда и т. д., испытывает на себе напор стремительно меняющейся социокультурной истории. Значительно меняются даже пространственные структуры человеческого существования: релятивизируются представления о «своих» и «чужих» землях и культурах, о центрах и перифериях, ослабляются связи с собственной родовой, территориальной и семейной памятью (и это – не только на постмодернистском Западе, но и в глобальном масштабе).¹⁸ Возможно, что и подъем религиозно-идеологического экстремизма, в т. ч. насильственного, в начале XXI века отчасти выступает своеобразной компенсацией за распад привычных идентичностей.

В таком разрезе градус повседневной жестокости оказывается в значительной мере реакцией на необратимый кризис исторически устоявшихся и ставших привычными параметров человеческого существования. Челночное движение информации, технологий, товаров, капиталов, зрелищ, психотропных и наркотических веществ, попадание миллионов людей в категорию «избыточного населения» и, стало быть, в их человеческое обесценивание; ориентализация европейских,¹⁹ да отчасти и североамериканских пространств; эрозия традиционных стилей жизни и адаптации – вся эта сгустившаяся новизна оказывается для многих несомненным источником внутренней дестабилизации – и мобилизации жестокости и насилия.²⁰

Упомянутый выше В.В.Иванов подчеркивал особую уязвимость России перед лицом обращенных против нее глобальных вызовов. Страна, вбирающая в себя этнокультурное, идейно-духовное и социальное многообразие, живущая веками в состоянии раскола между культурой творческой элиты и полу-архаической культурой народных масс и в то же время оказавшая огромное влияние на мировой прогресс в науке, технологии, искусстве, гуманитарном творчестве, невольно оказывалась на протяжении XIX–XXI столетий в большей степени культурным «донором» окружающего мира, нежели источником развития собственного человеческого потенциала.²¹ Во всяком случае, проблематика «наката» жестокости и его преодоления, социокультурных предпосылок этой «антропологической катастрофы»²² обозначает одну из насущнейших угроз как для нынешнего российского, так и для глобального общежития.

Внимание и уважение к креативному и гуманистическому потенциалу собственной культуры вовсе не означает самохвальства и конфронтации с другими культурами и народами. Скорее, напротив: уважение к трудам своих предшественников, избавление от собственных комплексов и неврозов способны заложить предпосылки достойного и плодотворного партнерства, основанного на лучшем понимании самих себя и окружающего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Global Terrorism Database. URL: <<https://www.start.umd.edu/gtd/>>.

² Дорфман М. Афроамериканский культ целит в выборы // НГ-Религии. 03.08.2016; Малащенко А.В. Так что же делать с террористами? // Там же.

³ Метелева С. Двести дней в джихаде. Спецкор «МК» провела полгода в террористической организации // Россия и мусульманский мир. 2004. № 9(147). С. 82.

⁴ В обоих случаях немало вопросов ставится и по части эффективности работы спецслужб. См.: Михайлова А. «Проблема была не в газе»: чем закончилось расследование дела «Норд-Оста» // РБК. 13.07.2016.

⁵ Малащенко А.В. Ук. соч.

⁶ Доусон К.Г. Боги революции / Предисл. А.Дж.Тойнби; пер. К.Я.Кожурина. – СПб.: Алетейя, 2002.

⁷ Иванов В.В. Новые открытия. Человечество и его будущее. Москва, Гоголь-центр, 15.09.2014. URL: <<https://www.youtube.com/watch?v=NQGdq4GPEIE>>. В этом своем суждении акад. Иванов опирается на психопатологические и неврологические исследования Сергея Николаевича Давиденкова (1880–1961 гг.) и Хосе Мануэля Дельгадо (1915–2011 гг.).

⁸ Малащенко А.В. Ук. соч.

⁹ Эта проблема подробно разбирается в работах автора этой статьи, посвященных философскому наследию Гегеля и Бенедетто Кроче, в частности, их анализу процессов современной им политической истории. Рашковский Е.Б. Философия поэзии, поэзия философии. – СПб.: Алетейя, 2016. С. 236–242, 286–289.

¹⁰ Бельский А.Г., Рашковский Е.Б. Индия и Россия: фундаменталистский вызов // Рашковский Е.Б. На оси времен. Очерки по философии истории. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 175–194.

¹¹ Доктур Т. Новые религиозные движения в посткоммунистической Европе // Диа-Логос 1997. – М.: Истина и Жизнь 1997. С. 340–350.

¹² Stepanova E. Regionalization of violent jihadism and beyond: the case of Daesh // *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*. 2016. № 3. P. 30–55.

¹³ Например, 5 февраля 2016 г. жительница Ленинского района Московской области, раздраженная тем, что работа промышленного альпиниста, висевшего на уровне восьмого этажа, мешала ей принимать телепрограммы, ножом перерезала трос, на котором висел альпинист. Сорвавшийся рабочий только чудом избежал гибели. Женщину, перерезавшую трос ремонтнику, отпустили из полиции // Мир-24. 05.02.2016. URL: <<https://mir24.tv/news/13871327/zhenshchinu-pererezavshuyu-tros-remontniku-otpustili-iz-policii>>.

¹⁴ Hibou B. Economic crime and neoliberal modes of government: the example of Mediterranean // *Journal of Social History*. 2012. V. 45. № 3. P. 642–660.

¹⁵ Разумеется, домашняя жестокость – явление древнейшее. Однако в нынешнем социо-историческом контексте, обуславливающем нестойкость нуклеарной семьи, оно получает дополнительные стимулы.

¹⁶ Еще в годы Второй мировой войны великий итальянский философ Бенедетто Кроче, изучая характерный для тогдашних тоталитарных обществ культ молодости (вспомним даже название итало-фашистского гимна – “Giovinezza”, то бишь «Юность»), обосновал его функциональную

связь с культом жестокости (см.: Croce B. *Germany and Europe: A Spiritual Dissention* / Transl. with Introd. by I. Sheean. – N. Y.: Random House, 1944. P. 30–33).

¹⁷ Аристова М. Детская жестокость – проблема современного общества // Pedsovet.su: Сообщество взаимопомощи учителей. 20.07.2014.

¹⁸ Parker U. A Theoretical introduction: spaces, centers, and margins // *The geopolitics of Europe's Identity: Centers, Boundaries, Margins.* – N.Y.: Palgrave Macmillan/Springer, 2008. P. 6–8.

¹⁹ За один только 2016 г. – по предварительным расчетам – в ФРГ должно было переселиться 300 тыс. одних лишь легальных мигрантов с Юга и Востока, тогда как за предшествующий, 2015 г., по данным Статистического управления ФРГ, страну покинули 138 тыс. ее коренных жителей, в том числе специалистов высокой квалификации. Немцы массово покидают Германию // Рамблер. 22.10.2016. URL: <<https://news.rambler.ru/articles/35066233-nemtsy-massovo-pokidayut-germaniyu/?plista>>.

²⁰ Sassen S. *When Complexity Produces Brutality* // Sens Public. June 2010. URL: <http://www.sens-public.org/IMG/pdf/SensPublic_Saskia_Sassen_Complexity_et_Brutality.pdf>.

²¹ Иванов В.В. Ук. соч.

²² Мамардашвили М.К. *Сознание и цивилизация // О духовности.* – Тб.: Мецниереба, 1991. С. 26.